

ЛЕКЦИЯ 1

Современная американская семья: социально-экономические и юридические признаки

Институт семьи занимает важное место в американском обществе. К авторитету семьи часто обращаются политики, журналисты, священнослужители и гражданские активисты. Еще в своих радиообращениях к нации, получивших название «Беседы у камина» (*Fireside chats*), президент страны Франклин Рузвельт предпочитал напрямую обращаться к рядовым американцам и их семьям, тем самым задавая особый доверительный тон и небезосновательно рассчитывая на поддержку населения. Так и сегодня в США смысл любой социально-экономической реформы принято объяснять и оценивать с точки зрения ее потенциальной «полезности» для американских семей.

*Рядовая семья слушает выступление президента Ф. Рузвельта
Фотография, 1930-е гг.*

Музей национальных архивов США

Считаясь одним из традиционных социальных институтов, американская семья за последние семьдесят лет принципиально трансформировалась, став зеркалом изменений во всем обществе: жена перестала быть «дополнением» мужа в семейной и общественной жизни, получив статус полноправной стороны брачных отношений; стали возможны межрелигиозные, межрасовые и однополые браки; получили юридическое признание внебрачные отношения между партнерами; все большее внимание уделяется защите прав ребенка и т. д.

Более или менее объективные представления об американской семье позволяют сформировать статистические данные, собираемые и анализируемые Бюро переписи населения США. Так, в 2020 г. в стране было почти 37 млн семей, в которых был хотя бы один ребенок. Эта цифра остается относительно устойчивой на протяжении нескольких десятилетий несмотря на то, что наблюдается незначительная тенденция по снижению количества семей с детьми. При этом почти в каждой четвертой семье детей воспитывает лишь один родитель (таковых чуть более 10 млн семей).

Всего в США свыше 65 млн домохозяйств, из которых 57 млн состоят из разнополых супругов и чуть больше полумиллиона представлены однополыми супругами. Оставшаяся часть домохозяйств приходится на пары, юридически не зарегистрировавшие свои отношения (как однополые, так и разнополые).

По данным за 2016 г., средний возраст вступления в брак в США вырос с 28 до 30 лет (эта тенденция является повсеместной для большинства развитых стран, к числу которых, разумеется, относятся и США).

В среднем только 34 % американок и 33 % американцев, состоящих в браке, не были ранее разведены (для представителей более старших поколений в возрасте от 55 до 64 лет этот показатель значительно выше и равняется 43 %). Приведенные цифры оттого любопытны, что, как будет показано дальше, процедура развода по законодательству большинства штатов весьма дорогостоящая и трудоемкая.

Супруги, вступившие в брак в период с 1970 по 1984 г., почти в половине случаев сумели сохранить отношения и отпраздновать двадцатипятилетние годовщины своих браков.

Наличие детей остается традиционным фактором, снижающим вероятность развода.

Десять процентов американцев и американок состояли в межрасовом или межэтническом браке, тогда как еще 8 % были в браке с иностранцами.

Несложно заметить, что современная американская семья по своим половозрастным, этническим, расовым, религиозным и другим характеристикам сильно отличается от семей, описанных в известном романе Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (1936). С одной стороны, многие американцы отчасти освободились от религиозных и традиционалистских предубеждений о семье и браке, что привело к заметному росту разводов, легализации аборт, однополых браков и т. д. С другой стороны, жители США стали серьезнее относиться к принятию решения о вступлении в брак (оценивать свою готовность обеспечивать себя и своих супругов, вести совместное хозяйство, заботиться о детях и т. д.). Собственно, две эти тенденции в той или иной степени проявляются в большинстве цивилизованных стран Запада и представляют собой основную движущую силу развития науки семейного права.

Как отмечал в середине 1950-х гг. известный американский социолог семьи Толкотт Парсонс, среднестатистическая американская семья не только нуклеарная (*nuclear family*), т. е. состоит из родителей и детей либо только из супругов, но и изолированная (*isolated*) от других родственников. Иными словами, внутрисемейные связи между поколениями (скажем, между внуками и дедушками/бабушками) и разными ветвями одного рода (например, между двоюродными братьями и сестрами) разорваны или достаточно слабые. Причины такой изолированности нередко носят социально-экономический характер: в США достаточно развита внутренняя трудовая и учебная миграция, неизбежно приводящая к уменьшению внутрисемейных контактов, и т. д.

Прецедентная практика Верховного Суда США уделяет особое внимание нуклеарной семье и считает ее образцовой. В 2000 г.

рассматривалось дело *Troxel v. Granville*¹, по которому бабушка с дедушкой требовали от своей невестки обеспечить им право общения с внуком, рожденным от сына заявителей, покончившего жизнь самоубийством. Заявители ссылались на законодательство штата Вашингтон, позволяющее любому лицу общаться с ребенком в любое время, если суд сочтет такое общение соответствующим интересам ребенка (Washington Revised Code, § 26.10.160(3)). В свою очередь, мать ребенка не возражала против его контактов с бабушкой и дедушкой по отцовской линии, но требовала сократить время их общения. Анализируя обстоятельства этого дела, Верховный Суд США счел неконституционными нормы закона штата Вашингтон в той мере, в которой они допускали вторжение третьих лиц (в данном случае бабушки и дедушки) в семейную жизнь. В особом мнении судьи Сандры О'Коннор воспроизводился *dictum* из более старого прецедента *Parham v. J. R.*². о том, что «наша (имеется в виду американская. — А.У.) доктрина исторически отражала концепцию семьи в западной цивилизации как союза с широкими правами родителей в отношении несовершеннолетних детей. Наши прецеденты последовательно придерживались этой линии».

Тогда решение Верховного Суда США по делу *Troxel* широко обсуждалось в печати: высказывалось мнение, что суд исключил бабушек и дедушек из круга членов семьи. Представляется, что такая интерпретация является излишне категоричной. Суд лишь отразил приоритет родителей в воспитании детей над правами иных родственников.

Возвращаясь к концепции Парсонса, надо заметить, что изучаемые им образцы семьи скорее соответствуют духу и времени середины прошлого века. Конечно же, какие-то признаки семьи остались неизменными, но многие ее черты существенно видоизменились. Прежде всего, с тех пор не могла не устареть идея о разграничении функций супругов в семье, согласно которой мужчине (мужу) отводится первобытная

¹ 530 U.S. 57 (2000).

² 442 U.S. 584, 602 (1979).

роль по содержанию семьи, тогда как «компетенция» женщины (жены) должна ограничиваться вопросами ведения домашнего хозяйства. Современная американская женщина активно вовлечена в общественную жизнь и формально не находится в зависимом от мужчины положении.

Если для Парсонса семья – это атрибут любого общества, то для другого представителя классической американской социологии Роберта Мертона (Школьника) такая точка зрения не кажется самоочевидной. В действительности, задается вопросом Мертон, что делает семью универсалией, свойственной любому обществу? По мнению Мертона, понимание семьи может варьироваться от одной общины к другой, от одной религии к другой, что более чем заметно в «многослойном» американском обществе. Отсюда следует общий вывод, что социологическая наука не может впредь довольствоваться архаическим взглядом на семью лишь как на узкофункциональное средство регенерации (воспроизведения) новых поколений.

Проблема, обозначенная Мертоном, имеет большое значение для теории и практики семейного права. Что такое американская семья? Обладает ли она самостоятельной правосубъектностью? Что отличает семейные отношения от несемейных форм общения людей?

В американской юриспруденции категория «семья» связана с более общим, социально-экономическим понятием домохозяйства (*household*).

В этом контексте представляет особый интерес дело *United States Department of Agriculture v. Moreno*¹. Прецедент отсылает к федеральной программе по обеспечению бесплатным питанием социально не защищенных категорий населения, учрежденной специальным Актом Конгресса в 1964 г. (*The Food Stamp Act*). В соответствии с § 3(е) закона вводилось понятие домохозяйства как группы связанных или не связанных между собой людей, проживающих совместно, в качестве единой экономической единицы, имеющих общие помещения для приготовления пищи и приобретающих продукты питания совместно. Позднее

¹ 413 U.S. 528 (1973).

норма была ограничена: домохозяйство образовывали лишь люди, находящиеся между собой в определенной связи (имелись в виду главным образом брак, родство или свойство). Позиция законодателя состояла в том, что излишне широкое определение домохозяйства позволяло бы коммунальным хиппи претендовать на получение бесплатного питания, «притворяясь» семьями (домохозяйствами).

В суд обратились несколько заявительниц с групповым иском (*class action*): всех истиц объединяло то, что они проживали (совместно снимали жилье) с людьми, не приходящимися им ни родными, ни близкими. Так, одной из заявительниц была мисс Морено, женщина, хронически больная диабетом, нуждающаяся в постоянном уходе и живущая вместе с мисс Санчес и ее тремя детьми. В свою очередь, мисс Санчес фактически осуществляла медицинский уход за заявительницей, помогала ей в быту, их отношения были не более чем дружескими. Однако власти сочли, что мисс Морено и мисс Санчес не образуют домохозяйство по смыслу закона, а стало быть, не вправе претендовать на социальную поддержку, бесплатное питание и другие льготы, предусмотренные для домохозяйств.

В своей жалобе мисс Морено подчеркивала, что дифференциация домохозяйств по принципу связи между членами такого домохозяйства и предоставление льгот по ограниченному, maritalному принципу являются дискриминационными и нарушают Пятую поправку к Конституции США. Когда дело дошло до высшей судебной инстанции, Верховный Суд США согласился с заявительницей и постановил, что такое деление не защищает государственные интересы и, как следствие, неконституционно.

В приведенном решении Верховный Суд США не дал определения семьи или домохозяйства, но исходил из неконституционности произвольного публично-правового вмешательства в частную жизнь граждан. Принудительное определение и формальная оценка государственными органами характера отношений между людьми, проживающими совместно, создает предпосылки для более широкого вторжения публичной власти в частную жизнь, что, по мнению высшей судебной инстанции, противоречит Основному Закону страны.

Еще более однозначно эта позиция сформулирована в деле *Moore v. City of East Cleveland*¹. Муниципальные власти в г. Восточный Кливленд, штат Огайо, определили, что одну жилую единицу (жилье) могут занимать лишь члены одной семьи. В 1974 г. мисс Мур получила уведомление от администрации города о том, что она нарушает соответствующие городские правила, так как проживала совместно со своим сыном и двумя внуками. По мнению администрации Восточного Кливленда, один из внуков женщины, рожденный от дочери мисс Мур, не мог жить с бабушкой, так как на тот момент его мать была мертва, следовательно, между ним и бабушкой как будто была прервана юридическая связь. Мисс Мур было предложено выселить этого внука из своего жилища. Женщина отказалась от исполнения требования, в связи с чем возник вопрос о привлечении ее к уголовной ответственности.

Разрешая спор, Верховный Суд США опирался на несколько своих более старых решений, в которых провозглашался принцип неприкосновенности семейной жизни. Государство не вправе самостоятельно определять состав семьи и таким образом вторгаться в область семейной жизни. Действия городских властей не соответствовали Конституции, заключил суд.

Последовательно проводимая политика по ограничению государственного вмешательства в семейную жизнь создала юридические основания для легализации межрасовых и однополых браков. Ведь если следовать позиции, сформулированной в *Moore*, то правопорядок, не имея оснований для произвольной квалификации тех или иных отношений в качестве (не)семейных, также не может регламентировать расовый и половой состав членов семьи. Закономерно, что уже в 1989 г. по делу *Braschi v. Stahl Associates Co*² Суд апелляционной инстанции штата Нью-Йорк — высший суд штата — решил, что партнеры, состоявшие в постоянной однополой связи и проживавшие совместно, отвечают признакам семьи и могут наследовать имущество умершего партнера

¹ 431 U.S. 494 (1977).

² 543 N.E.2d 49 (N.Y. 1989).

на общих основаниях. Это решение, принятое на уровне штата, стало одним из поворотных в судебной практике и послужило правовой нормализации однополых союзов в США.

Сказанное не означает, что праву США безразлично содержание семейных отношений. В действительности задачей американского суда является защита не абстрактных семейных ценностей, а правовых интересов конкретных людей. Как следовало из материалов дела *Ponorovskaya v. Stecklow*¹, заявительница и ее партнер состояли в романтических отношениях с 2004 г. В 2010 г. пара организовала вечеринку на мексиканском побережье, где присутствовали родные и близкие; были соблюдены некоторые еврейские свадебные религиозные обычаи (стороны обменялись клятвами, был ритуал разбивания стеклянного стакана и т. д.). Однако в ходе «бракосочетания» «роль» раввина исполнял кузен «жениха», не имеющий религиозного сана и являющийся практикующим дантистом в Нью-Йорке. В скором времени пара решила расстаться, в связи с чем «супруга» обратилась в суд штата Нью-Йорк с заявлением о расторжении брака и разделе имущества.

Здесь нужно оговориться, что законодательство штата Нью-Йорк признает браки, заключенные в соответствии с религиозными канонами. С одной стороны, в данном конкретном деле церемония «бракосочетания» была дефектной, она не проводилась раввином. С другой стороны, возникал вопрос, насколько государственный суд уполномочен оценивать «профессионализм» раввина и соответствие церемонии всем религиозным канонам? Последнее могло бы в известной степени означать нарушение Первой поправки к Конституции США, гарантирующей религиозную свободу.

В этой ситуации известный нью-йоркский судья Мэтью Купер, который рассматривал дело, нашел весьма оригинальный выход из ситуации. Хотя и критически оценивая действительность брака с точки зрения еврейского религиозного закона, он главным образом сфокусировался на намерении (*intention*) сторон при заключении брака.

¹ 45 Misc.3d 597 (2014).

Направляясь в Мексику, стороны не задумывались о формальной стороне совершаемого действия, фактически они лишь хотели хорошо провести время вместе с друзьями и близкими. Заключение брака предполагает более осмысленное отношение сторон к будущему брачному сожительству, а также соблюдение определенных процедур, рассуждал суд. «Здесь нельзя сделать вывод о том, что стороны совместно или обособленно считали, что они состоят в законном браке в результате мексиканской церемонии <...> Женитьба — это серьезное решение, которое имеет далекоидущие и зачастую неотменяемые последствия», — сказано в решении суда. В результате в удовлетворении требований истицы было отказано.

Как известно, американское право формально не знает деления на частное и публичное, но и ему имманентно свойственно такое деление. При этом семейному праву в высшей степени присущи характеристики отрасли частного права, где стороны в наибольшей мере обладают автономией воли. Выводы суда по делу *Ponorovskaya* не опровергают приведенное утверждение: нельзя сказать, что суд вмешался в частную жизнь граждан и тем самым вышел за пределы своих полномочий. Напротив, суд стремился выявить волю сторон при заключении брака и именно волей сторон был предопределен вопрос о заключенности брака, а суд лишь попытался надлежащим образом выявить эту волю.

Итак, как было показано, не всякое совместное проживание людей образует семейные отношения (могут жить вместе и вести общее хозяйство студенты в общежитии, полярники на арктической станции, астронавты в космосе и т. д., но здравый смысл подсказывает, что ни один из перечисленных случаев совместного проживания людей не отвечает признакам семьи).

В литературе по социологии семьи высказывалось мнение, что семейные отношения возникают при наличии между партнерами романтических и сексуальных связей. Но, возвращаясь к примерам со студентами, полярниками и астронавтами, можно предположить, что если в отношениях между перечисленными людьми будет существовать некоторый романтический и сексуальный контекст, то это еще не будет

свидетельствовать о появлении в каждом конкретном случае семьи. Романтические и сексуальные связи могут служить дополнительной предпосылкой (признаком) для создания семьи. Еще более спорным является и признание сексуальной связи в качестве конститутивного признака семьи: такие отношения допустимы только между супругами и партнерами, тогда как между другими членами семьи интимные связи чаще всего говорят о некоторой девиации и порицаются обществом, а в определенных случаях преследуются уголовным законом (имеется в виду педофилия).

Очевидно, в упомянутой семье мисс Мур, состоявшей из бабушки, сына и внуков, члены семьи не могли вступать между собой в сексуальные отношения, но суд обоснованно счел их домохозяйство полноправной семьей. Значит, критерий романтической и сексуальной связи между членами семьи не вполне убедителен.

Небесспорным является и взгляд на семью как на союз людей, объединенных дружескими чувствами. Вполне возможно, что, скажем, друзья будут испытывать друг к другу даже более сильные чувства привязанности и симпатии, нежели близкие родственники и члены одной семьи. Однако дружеские связи далеко не всегда трансформируются в семейные отношения. По замечанию профессора Сэнфорда Каца, парадоксом семейного права является то, что закон защищает членов семьи, наделяет их особыми правами и обязанностями, тогда как практически игнорирует дружеские отношения, считая их юридически нерелевантными.

Дружба и впрямь является одним из прообразов семьи. Как правило, между друзьями и членами семьи возникает особое чувство верности, осознания взаимных обязательств (*commitment*). Хотя друзья и могут создать семью, однако это вовсе не является правилом.

Показательно, что по семейным спорам суды практически всегда выясняют подлинное отношение сторон друг к другу.

Так, по делам о признании брака недействительным по основанию его фиктивности суду надлежит выяснить причины, которыми руководствовались люди, вступая в брак. Предположим, что фактической

причиной вступления в брак было желание одного из супругов приобрести гражданство США. Означает ли это, что такой брак автоматически подлежит признанию недействительным? Ответ – нет. Супруги вправе извлекать определенные социальные блага от своего брака (получать льготы, приобретать гражданство и т. д.), но это еще не свидетельствует о том, что любой материальный интерес в брачно-семейной жизни приводит к юридической порочности и недействительности брака. Лишь в том случае, когда судом будет установлено, что целью вступления в брак было *исключительно* приобретение гражданства, такой брак будет считаться недействительным, поскольку между сторонами отсутствовало осознание взаимных обязательств как супругов.

Рассмотрим другой пример. В семье, состоящей из мужа и жены, рождается ребенок. Спустя десять лет счастливой семейной жизни отец случайно узнает, что он не является биологическим отцом ребенка. Вправе ли отец оспорить свое отцовство и отказаться от ребенка? Законодательство большинства штатов отвечает на этот вопрос отрицательно. Суды применяют доктрину родительского эстоппеля (*parental estoppel*), согласно которой юридически значимыми являются не столько биологический факт отцовства, сколько психологические отношения родителей и детей. Если предположить, что в приведенном примере ребенок на протяжении всего периода взросления считал мужа своей матери «настоящим» отцом и аналогичным образом мужчина воспитывал ребенка как собственного сына, суды применяют юридическую фикцию, что это обстоятельство восполняет отсутствие биологической связи между отцом и сыном.

Оба приведенных примера подтверждают, что члены семьи должны осознавать свои обязательства друг перед другом. Это вовсе не означает, что они должны непременно испытывать взаимную симпатию и любовь, но они должны по меньшей мере осознавать себя членами некоторой обособленной социальной общности, как правило объединенной общей историей, фамилией, совместным проживанием и т. д. Описанная специфика семейных отношений носит ярко выраженный

психологический характер и была предметом изучения американской исследовательницы Ив Бранк¹.

В то же время суд не всегда способен достоверно установить психологическую сторону взаимоотношений людей, в связи с чем он будет вынужден проверять доводы сторон имеющимися в деле доказательствами. Так, по делу о признании отцовства по родительскому эстопелю суд примет во внимание общие фотографии отца и ребенка с отца, письма, в которых, возможно, будут формы обращения «папа», «сынок» и т. д. В любом случае ожидается, что суд в таком деле будет действовать крайне осторожно, стремясь не нарушить фундаментальный принцип неприкосновенности семейной жизни.

ЛЕКЦИЯ 2

Система законодательства о браке и семье в США

Семейное право США не испытывает сильного влияния со стороны международного права. Традиционно Соединенные Штаты крайне неохотно ратифицируют международные соглашения, в том числе в сфере семейного права.

К слову, несмотря на то что именно США были одними из основных разработчиков Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г., сама страна до сих пор не ратифицировала эту Конвенцию, что объясняется в том числе активным сопротивлением консервативного и религиозного крыла Конгресса.

Для этого были в том числе и юридические препятствия. В частности, лишь в 2005 г. Верховный Суд США по делу *Roper v. Simmons*² признал неконституционным уголовное наказание в виде смертной казни

¹ Brank Eve M. Psychology of Family Law. NY: New York University Press, 2019.

² 543 U.S. 551 (2005).